

Н. В. Калачов

**О значении Кормчей в
системе древнего русского
права**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. В. Калачов**
О значении Кормчей в системе древнего русского права / Н. В. Калачов – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 212 с.

ISBN 978-5-518-08765-1

ISBN 978-5-518-08765-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О

ЗНАЧЕНІИ КОРМЧЕЙ

ВЪ

СИСТЕМЪ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА.

Что въ древнемъ періодѣ Русской исторіи Кормчая имѣла значеніе и силу источника права въ судахъ церковныхъ и что иногда ею руководствовалась также свѣтская власть въ своихъ судебныхъ рѣшеніяхъ и при ихъ исполненіи, это не подлежитъ никакому сомнѣнію и уже не разъ было замѣчено многими изслѣдователями, хотя только мимоходомъ, неопредѣленно и почти бездоказанно¹. Между тѣмъ, если такое положеніе справедливо, то не лзя при настоящей разработкѣ нашей исторіи и права оставить его безъ вниманія и не опредѣлить точнѣе посредствомъ примѣненія его къ известнымъ началамъ нашего древняго законодательства и подтвержденія на основаніи тѣхъ же источниковъ, которыми и оно подкрѣпляется, ибо съ перваго взгляда можно уже убѣдиться, что подобное изслѣдованіе о Кормчихъ должно объяснить новую, вовсе нетронутую, сторону юридическаго быта нашихъ предковъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько вопросовъ, любопытныхъ и важныхъ, возникаетъ само собою, какъ скоро мы предложимъ одинъ главный: какое-же значеніе и какую силу имѣли Кормчая, какъ источникъ права, въ нашей древней судебной практикѣ, канонической и свѣтской, и какое значеніе имѣетъ она теперь въ отношеніи къ тому-же времени, какъ памятникъ юридическій? — вопросъ, на который, очевидно, не лзя отвѣчать положительно безъ предварительнаго разрѣшенія еще слѣдующихъ: въ какой формѣ или редакціи и въ какомъ содержаніи или полнотѣ

слѣдуетъ признавать Кормчую источникомъ древняго Русскаго права? на какихъ данныхъ утвердилась ея юридическая сила въ нашемъ отечествѣ и какъ могла эта сила не только окрѣпнуть, но и развиться на нашей почвѣ, или: какимъ образомъ чуждая нашимъ предкамъ догма Византійскаго права могла сдѣлаться и у нихъ не только канонѣмъ, но и живымъ, практическимъ источникомъ церковнаго и свѣтскаго судопроизводства? какъ соприкасается Кормчая, въ значеніи источника права, съ другими источниками нашего законодательства въ то или другое время и какіе результаты произошли подъ вліяніемъ этого обоюднаго воздѣйствія съ одной стороны для самой Кормчей, съ другой для туземнаго права? Но сколько вопросовъ болѣе частныхъ предполагаетъ опять каждый изъ изчисленныхъ!.. Не смотря однако на всю занимательность и важность подобныхъ изысканій, мы должны вмѣстѣ съ тѣмъ сознаться, что они не въ состояніи привести къ полнымъ, удовлетворительнымъ заключеніямъ безъ тѣхъ данныхъ, на которыхъ бы можно было основать довольно твердо и вѣрно тѣ или другіе выводы и которыя заключаются главнымъ образомъ въ содержаніи самихъ Кормчихъ, какъ непосредственномъ предметѣ изслѣдованій; и потому, рѣшаясь сказать нѣсколько словъ о значеніи Кормчей въ системѣ древняго Русскаго права, я имѣю при этомъ единственною цѣлью показать, какъ необходимо для нашихъ историковъ и юристовъ подробное обозрѣніе отечественныхъ Кормчихъ и какъ важно было бы изданіе по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ оригинальныхъ и переводныхъ статей этого драгоценнаго памятника — трудъ, какъ извѣстно, уже начатый незабвеннымъ барономъ Розенкампомъ, но, къ сожалѣнію, еще далеко не оконченный и ожидающій новыхъ усердныхъ дѣлателей.

Прежде нежели я буду говорить о собственномъ предметѣ настоящей статьи, постараюсь опредѣлить въ краткомъ обзорѣ юридическое значеніе духовенства въ Россіи и отношенія его къ свѣтской власти въ періодъ до Петра Великаго: это пояснитъ намъ характеръ и содержаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и практическое значеніе Кормчихъ, писанныхъ въ нашемъ отечествѣ.

Введеніе у насъ христіанской вѣры, заимствованной изъ Византіи, соединяется съ призваніемъ оттуда-же духовенства, которое должно было насадить и утвердить эту вѣру въ обширныхъ

уже представлять тогдашней Россіи. Такимъ образомъ пастыри Греко-восточной Церкви, явившись съ своими учениками изъ Болгарь, съ самаго начала являются къ намъ въ довольно значительномъ количествѣ и образуютъ особое сословіе, увеличивающееся постепенно съ присоединеніемъ къ нимъ мало по малу новыхъ органовъ Церкви изъ числа туземныхъ жителей, или воспитанныхъ и изучившихъ принимаемъ вѣры. Это сословіе резко отличается отъ всѣхъ прочихъ сословій древней Руси и стоитъ высоко надъ ними. Возросшее на догматахъ Византійской Церкви, утвержденныя неподвижно канонами Св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и Св. Отцевъ, высоко образованное и основательно изучившее свѣтское подробно разлитое право своего первообитнаго отечества въ той степени, какъ это было ему нужно для отношеній его къ гражданской власти, оно естественно должно было принести съ собою къ нашимъ предкамъ глубокое сознаніе о своихъ достоинствахъ и твердую волю неизменно содержать и въ нашемъ отечествѣ свои уставы, а потому и развивать ихъ въ томъ же духѣ и сообразно Византійскому праву, которымъ оно было напитано. Но при этомъ возрѣши, что встрѣтило оно въ томъ народѣ, въ той странѣ, гдѣ ему суждено было отвлечь жить и дѣйствовать? Не болѣе, какъ самыя сомнительныя начатки гражданственности: въ сферѣ государственной верховную власть, связанную съ подданными едва замѣтными, почти временными, узми подчиненія, за исключеніемъ дружинъ и городовъ, болѣе близкихъ къ Князьямъ; въ сферѣ частной — быть родовой, въ которой еще не знаютъ ни отдѣльной недвижимой собственности, ни завѣщанія, ни наследства въ настоящемъ его значеніи; въ сферѣ уголовной — кровную мечь, еще господствующую во всей силѣ и отвергающую всякое поманіе о возмездіи со стороны верховной власти. Очевидно, что на такое положеніе вещей пришлое образованное духовенство должно было смотреть съ внутреннимъ негодованіемъ и отвращеніемъ и такимъ образомъ даже считать обязанностію своей совѣсти внушать Великимъ Князьямъ, которые старались объ утвержденіи христіанской вѣры въ своихъ областяхъ, о введеніи новыхъ началъ въ быть государственный, гражданскій и уголовный; самымъ же лучшимъ для того средствомъ оно должно было конечно признать то, чтобъ познакомиться съ постановленіями и юридическимъ бытомъ своего прежняго отечества — Византійской Имперіи. Обстоятельства помогли ему

совершить это дело. Известно, какое глубокое, живое и теплое чувство пробуждаетъ христіанская вѣра въ душихъ новобращенныхъ язычниковъ; съ какою пламеннымъ рвеніемъ они готовы посвящать себя и свое имущество на служенію одному Богу, съ какою озабоченіемъ все свое предеріятіе и дѣйствія подчиняютъ высокому духу смиренія и благодати, оживотворяющему истинную религію. Св. Владиміръ, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался христіаниномъ, пересталъ казнить разбойниковъ, „ибо, говорилъ онъ, боюсь грѣха“. Но еще другое событіе, въ высшей степени важное для нашего отечества, является въ тоже самое время въ подкрѣпленіе духовенства. Это развитіе дома Ярослава Великаго сначала въ семейство, а потомъ въ родъ, причемъ все члены рода удерживаютъ большія или меньшія права на достояніе своего общаго предка. Не смотря однако на то, что все они находятся въ общемъ родственномъ союзѣ между собою, что все они составляютъ одно цѣлое въ отношеніи къ землѣ и подданнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ въ томъ и другомъ случаѣ проявляетъ и личную самостоятельность, ибо въ свою очередь самъ дѣлается отцемъ семейства, а впоследствии и родоначальникомъ; на этомъ основаніи извѣстныя лѣтніи получаютъ нѣкоторыя опредѣленные области съ названіемъ *отчины* и слѣдоват. какъ бы въ постоянную собственность, которую нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно удерживаютъ за собою до самаго уничтоженія родового быта въ домѣ Ярослава Великаго силою возникшихъ вновь государственныхъ отношеній. Такимъ образомъ, каждый отдельный Князь, какъ скоро онъ истинно проникнуть всеобъемлющимъ духомъ христіанской вѣры, стремится отдельно къ осуществленію великой цѣли—выполнѣ утвердить ее въ своей области, а въ слѣдствіе этого весьма естественно приходитъ въ ближайшее соотношеніе съ ея органами—духовенствомъ, и влияніемъ его болѣе или менѣе сознательно пользуется для улучшенія юридическаго быта своихъ подданныхъ, какъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ между собою, такъ и въ примѣненіи ихъ отношеній къ своей власти. Таковы именно были: Святославъ Ярославичъ, сынъ его Глебъ и племянникъ Ярополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ, сынъ его Ярополкъ, Андрей Боголюбскій и множество другихъ. И вотъ, при такомъ общемъ стремленіи всѣхъ Князей древней Руси, согласныхъ между собою или враждующихъ, быстро, на всемъ ея пространствѣ, осуществляются одни и тѣже явленія, которыя повсемѣстно возводятъ духовенство на степень одного изъ важнѣйшихъ органовъ юридиче-

ской деятельности въ различныхъ сферахъ общественнаго быта, и плоды этой деятельности передають не только современному законодательству, но и отражаютъ ихъ чрезъ все историческое развитіе нашего отечества до настоящаго времени.

Чтобъ лучше объяснить такое юридическое значеніе духовенства мы рассмотримъ съ одной стороны права, которыми оно пользовалось въ древней Россіи, преимущественно въ отношеніи къ судопроизводству, а съ другой — источники, которыми оно руководствовалось при осуществленіи этихъ правъ. Отсюда уже не трудно будетъ понять, какое именно вліяніе имѣло духовенство, какъ посредствомъ своей личной деятельности, такъ и посредствомъ своихъ источниковъ (*fontes juris canonici*) на свѣтское законодательство Россіи, и следоват. какое было значеніе въ этой же сфере одного изъ важнѣйшихъ собраній такихъ источниковъ, известнаго подъ именемъ *Кормчей*.

Глубокое сочувствіе нашихъ первыхъ Князей къ проповѣдникамъ христіанской вѣры и общее религіозное направленіе, кромѣ внѣшнихъ знаковъ отличнаго уваженія, доставляли часто духовенству не только возможность, но и право быть посредникомъ въ ихъ спорахъ и расправахъ², участвовать въ ихъ думахъ и совѣщаніяхъ, лично и письменно съ ними бесѣдовать о устройствѣ Государства и его управленіи, словомъ обо всѣхъ дѣлахъ общественныхъ³, и въ этой бесѣдѣ не только выхвалять Князя за его добродѣтели, но также порицать за пороки и даже смело духовной власти связывать душу виновныхъ, отлучая ихъ отъ Церкви⁴. Но важнѣйшимъ правомъ въ сфере внѣшнихъ юридическихъ отношеній было, безъ сомнѣнія, право, которое получило духовенство владѣть не только богатою движимостью, не только десятнами отъ Княжескихъ доходовъ, но и недвижимою собственностью, населенными и ненаселенными землями, со всеми угодьями, притомъ владѣть ими въ значеніи *отчинниковъ*, съ предоставленіемъ сверхъ того множества привиллегій, какія изъ прочихъ подданныхъ давались весьма немногимъ, а для духовенства мало по малу сдѣлались почти общимъ правиломъ⁵. Обозрѣвая только издавныя матеріалы нашей древней исторіи, мы не можемъ не удивляться тому огромному количеству относящихся къ духовенству грамотъ, жалованныхъ и несудимыхъ, вкладныхъ и тарханскихъ, которыя наполняютъ въ изобиліи все известныя собранія отечественныхъ актовъ и своимъ массово-радикально подавляютъ всѣ другіе источники. Но сколько такихъ памятниковъ

хранится еще сверхъ того въ разныхъ архивахъ, сколько разсы-
яно по монастырямъ и церквамъ и сколько находится или въ
рукахъ у частныхъ владельцев? ⁶ Следовательно не лзя впол-
нѣ изчислить, какими именно количествомъ недвижимыхъ имѣній
владѣло издревле Русское духовенство; но довольно извѣстно, что
такихъ имѣній было несравненно болѣе, нежели земель, принад-
лежавшихъ частнымъ лицамъ, ибо не только Князь, но и под-
данные ихъ, увлекаясь религіознымъ настроеніемъ дуа, въ осо-
бенности при концѣ жизни, обыкновенно давали въ монастыри и
церкви богатѣйшіе вклады населенныхъ и не населенныхъ нѣдъ
для вѣчнаго поминовенія души своей и своихъ родителей. Въ
этихъ отчинахъ духовенство имѣло все права привилегирован-
ныхъ владельцев: оно ими завѣдывало и управляло, собирало
съ нихъ оброки и поземельные доходы, а въ случаѣ возникав-
шихъ между жителями споръ и преступленій, имѣло право суда,
которое на основаніи большей части жалованныхъ грамотъ дава-
лось ему вполнѣ, за исключеніемъ душегубства, палубы и раз-
боя; предоставлявшихся только весьма немногимъ изъ привиле-
гированныхъ лицъ и чрезвычайно рѣдко ⁷. До насъ дошло зна-
чительное число наказовъ, данныхъ монастырямъ и духовными
властями приказщикамъ, которые управляли ихъ отчинами ⁸; до-
шло нѣсколько уставныхъ и правыхъ грамотъ, объясняющихъ
намъ порядокъ и правила, на основаніи коихъ духовенство произ-
водило въ этомъ случаѣ свой судъ и расправу; дошли наконецъ
многіе акты съ опредѣленіемъ судебныхъ пошлинъ, какія взима-
ли церковныя десятинники съ истца и отвѣтчика ⁹. Изъ этихъ доку-
ментовъ видно, что духовенство дѣйствовало здѣсь точно также,
какъ и свѣтская власть, подчинная вполнѣ издаваемымъ ею поста-
новленіямъ ¹⁰. У него, какъ и у верховной власти, есть свои бояре и
боярскіе дѣти, свои волостели и тиуны; оно руководствуется Судеб-
никами Іоанна III и Іоанна IV, а въ Литвѣ Судебникомъ Казимира IV
и Литовскимъ Статутомъ; впоследствии же Уложеніемъ Царя Алек-
сея Михайловича и статьями новоуказными; наконецъ относитель-
но взиманія пошлинъ много согласуется съ нововведеніями и
улучшеніями, какія проявляются въ новѣйшихъ узаконеніяхъ; ¹¹
словомъ, въ этомъ смыслѣ духовенство знаетъ свѣтскія постано-
вленія не хуже властей свѣтскихъ и съ такою же бдительностью
слѣдитъ за новыми источниками свѣтскаго законодательства, съ
какою привыкло неизмѣнно свои каноны. Не иначе и не могло

быть : духовенство должно было дорожить постановленіями верховной власти, ибо отъ нея получило оно свои права, и она же может ицѣ опять уничтожить. Вотъ почему при каждой смѣнѣ Князя или Царя монастыри и церкви, равно какъ духовныя епископскія лица, требуютъ отъ его преемника подтвержденія своихъ жалованныхъ грамотъ и привилегій, опасаясь, что въ противномъ случаѣ жалованныя въ нихъ права не будутъ признаваемы правителями новаго Государя ¹². Духовенствѣ необходимо знать всѣ уставы, относящіяся до поземельныхъ повинностей и до разныхъ сборовъ, ибо въ противномъ случаѣ оно легко можетъ подвергнуться притѣсненіямъ, съ одной стороны отъ воеводъ и наместниковъ, а съ другой отъ мытниковъ и таможенниковъ, Княжескихъ и Царскихъ. Далѣе, оно должно знать подробно гражданскіе судебные законы, ибо, въ противномъ случаѣ, въ тяжбахъ, возникающихъ между подчиненными духовенству и сторонними лицами, гдѣ судъ смѣсный производится органами тѣхъ и другихъ, оно не будетъ уметь охранить интересовъ своей партіи ¹³. Наконецъ, оно должно знать и уголовные законы, ибо иначе ему не будутъ известны предѣлы, до которыхъ въ данныхъ случаяхъ можетъ простираться его юрисдикція, такъ какъ оно не имѣетъ права судить дѣла, касающіяся до душегубства, татбы и разбоя ¹⁴. Но съ другой стороны не менѣе было важно для духовенства помнить свѣтскія узаконенія, когда верховная власть стала ограничивать отчинныя его права, издавая съ этою цѣлью отдѣльныя постановленія или общія грамоты, которыя тѣмъ самымъ исключали предоставленныя духовенству льготы. То и другое начинается уже со времени Іоанна III ¹⁵, продолжается въ царствованіе Іоанна IV ¹⁶, но съ большою силою проявляется въ царствованіе Алексѣя Михайловича и Феодора Алексѣевича ¹⁷; почему въ подтвержденіяхъ послѣдними грамотъ, жалованныхъ предками ихъ монастырямъ, церквамъ и вообще духовенству, мы встрѣчаемъ нередко слѣдующее замѣчательное прибавленіе : „опричь тѣхъ статей, которыя отставлены по соборному Уложенію и послѣ соборнаго Уложенія въ нашихъ уставныхъ грамотахъ и въ новыхъ указахъ ¹⁸.“ Такимъ образомъ духовенство, рядомъ съ постановленіями каноническаго права, иногда вноситъ въ свои сборники также свѣтскіе законы. Конечно, не дѣля не согласиться, что часто такіе статьи имѣютъ въ нихъ характеръ и значеніе памятниковъ по преимуществу литературныхъ ; но на основаніи

сказаннаго выше, безъ сомнѣнiя, никто не будетъ отрицать, что на свѣтскiя узаконенiя, имѣвшiя практическое значенiе въ нашемъ древнемъ правѣ, должно съ этой же самой точки смотрѣть и въ томъ случаѣ, если они включены въ какой нибудь сборникъ, назначенный для канонической практики. Поэтому весьма справедливо поступаютъ наши ученые, которые при изданiи древнихъ юридическихъ памятниковъ обращаютъ вниманiе и на этотъ источникъ. Скажу еще болѣе: руководствуясь такимъ воззрѣнiемъ, они уже не разъ находили здѣсь узаконенiя свѣтской власти, которыя иначе остались бы конечно въ неизвѣстности¹⁹. И такъ заключаю: изученiе сборниковъ каноническихъ не только полезно, но и необходимо для того, чтобъ вполне узнать и изчерпать источники нашего древняго свѣтскаго законодательства.

Кромѣ этой столь обширной сферы юридической дѣятельности, духовенство имѣло, по собственному своему значенiю, еще другую, съ одной стороны, по числу подчиненныхъ ей лицъ, еще болѣе обширную, но за то болѣе тѣсную и опредѣленную по предметамъ юрисдикцiи. Я говорю о *судахъ духовныхъ*. Главныя начала для утвержденiя своего права въ этой сферѣ оно принесло уже съ собою изъ Византии вмѣстѣ съ Номоканономъ, гдѣ во многихъ мѣстахъ изчислены какъ предметы духовнаго вѣдомства, такъ и права и обязанности въ отношенiи къ нимъ духовенства²⁰. Но въ Россii тѣ и другiя получили необходимое приращенiе въ слѣдствiе мѣстнаго развитiя. Въ самомъ дѣлѣ, при грубомъ, чувственномъ бытѣ язычника, который духовенство застало у нашихъ предковъ, невозможно было во многихъ случаяхъ примѣнить къ нимъ постановленiя Византийской Церкви и Императоровъ, если эти постановленiя не должны были оставаться совершенно безплодными. Въ то же самое время, такъ какъ отношенiя государственныя и гражданскiя почти вовсе не были еще создаваемы при такомъ бытѣ, духовенство не могло бы исполнять и тѣхъ обязанностей, которыя на немъ лежали на основанiи Номоканона, если бы не позаботилось о расширенiи круга своей дѣятельности для включенiя въ него нѣкоторыхъ правъ, какихъ не имѣло въ первобытномъ своемъ отечествѣ. Такимъ образомъ, утвержденiе со стороны верховной власти церковной десятины, введенiе денежныхъ пеней въ пользу духовенства за преступленiя духовныя, участiе въ раздѣлѣ имущества послѣ умершаго между его родственниками, все это были такiя права, которыя духовенство

получило въ Россіи вновь въ слѣдствіе мѣстнаго развитія своихъ основныхъ правъ и преимуществъ. Однако, только рядомъ долговременныхъ усилій удалось ему достигнуть своей трудной задачи—поставить народъ, подчиненный ему въ духовномъ отношеніи, въ уровень источникамъ, на основаніи которыхъ оно должно было дѣйствовать. Выше я уже замѣтилъ, что для лучшаго достиженія своей цѣли, духовенству было всего выгоднѣе ознакомить Великихъ Князей съ самымъ законодательствомъ Византійской Имперіи и убѣждать ихъ объ утвержденіи тѣхъ или другихъ необходимыхъ постановленій и въ Россіи. Такъ и дѣйствовало оно въ нѣкоторыхъ, именно извѣстныхъ намъ, случаяхъ ²¹. Но возможно ли было такъ круто измѣнить родовой, неустроенный бытъ на государственный, уничтожить вѣковыя понятія, которыя развились сами собою, путемъ естественнымъ, и слѣдов. могли также вполне искорениться не иначе, какъ путемъ народнаго сознанія и убѣжденія. Мы знаемъ дѣйствительно, что нѣкоторыя попытки были предприняты съ цѣлью ввести вдругъ новый порядокъ вещей и что онъ не удался, по крайней мѣрѣ привились не скоро, и напротивъ еще долго жили на ряду съ старымъ бытомъ. Такимъ образомъ въ нашемъ древнемъ законодательствѣ, съ одной стороны, въ слѣдствіе установленія въ теоріи узаконеній Византійскихъ, а съ другой, въ слѣдствіе удержанія на практикѣ прежнихъ народныхъ обычаевъ, является замѣчательная двойственность, которая невольно проглядываетъ во всѣхъ источникахъ до самаго Уложенія Царя Алексѣя Михайловича. Этой двойственности не чужды даже и тѣ узаконенія, которыя издавались при содѣйствіи духовенства, ибо, повторяю, оно было не въ силахъ сломить вдругъ всѣ обычаи, глубоко укорененные вѣками, и напротивъ, только постепенно достигало своей цѣли. Такъ, на примѣръ, кровная месть, многоженство, брачные союзы въ близкихъ степеняхъ родства, судебные поединки (*поле*), мѣстничество, все это было строго запрещаемо, преслѣдуемо или, по крайней мѣрѣ, порицаемо духовенствомъ, но удерживалось упорно вмѣстѣ съ тѣмъ духомъ язычества, который еще доселѣ носится надъ нами, заставляя простолюдиновъ вѣрить въ различныхъ духовъ и волшебниковъ, или въ завѣтные дни совершать обряды, освященные незапамятною древностію ²². По этому въ высшей степени трудно рѣшить, какое значеніе на практикѣ и съ какого именно времени получилъ и у насъ тотъ, или другой источникъ Византійскаго права; но что, наконецъ, всѣ

тъ изъ нихъ , которые встрѣчаются въ нашей древней письменности въ ббольшей, или меньшей степени, имѣли такое значеніе, видно изъ того , что мѣстами они измѣнены противъ подлинниковъ, часто дополнены цѣлыми статьями, очевидно, Русскими, что на основаніи ихъ дѣйствительно рѣшены нѣкоторые практическіе случаи и что, наконецъ, они перешли въ полномъ своемъ составѣ; или въ отрывкахъ, сначала въ рукописныя, а потомъ и въ печатныя, собранія, составленныя офиціально, подъ вліяніемъ Правительства ²³. Таковы въ особенности Кормчія книги. Слѣдоват., въ послѣднемъ случаѣ источники Византійскаго права могутъ быть несомнѣнно названы также источниками и въ примѣненіи къ древнему законодательству нашего отечества, а съ другой стороны памятниками юридическимъ относительно настоящаго времени. Но для того, чтобъ ихъ вполне понять и оцѣнить, необходимо подвергнуть ихъ самому тщательному сличенію съ памятниками туземнаго права. Тогда только будемъ мы въ состояніи говорить объ нихъ подробно и опредѣленно.

Останавливаясь на источникахъ духовнаго судопроизводства, мы замѣчаемъ, что въ этой сферѣ духовенство дѣйствовало прежде всего на основаніи Номоканона. Здѣсь правила Апостольскія, опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и постановленія Отцевъ Церкви, которыя оно признаетъ неизмѣнными для себя догмами и которымъ подчиняетъ все свои дѣйствія. Но здѣсь-же встрѣчаются и постановленія Византійскихъ Императоровъ, подъ вліяніемъ коихъ Церковь получила мѣстное развитіе и утвердилась на почвѣ древней Греціи. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ каноны недостаточны, духовенство руководствуется этими узаконеніями; но также не рѣдко оно подкрѣпляетъ ими и первые ²⁴. Въ древней Россіи тотъ и другой источникъ, принесенный извнѣ, восполняется еще мѣстными. Такихъ источниковъ также два главныхъ рода: соборы съ правлами Отцевъ Церкви и уставы или узаконенія Великихъ Князей, а впоследствии Царей. Первые разделяются опять на соборы общіе и слѣдов. обязательные для всей Россіи, и на соборы мѣстные. Если соборъ созываетъ Митрополитъ Кіевскій, Владимірскій, Московскій, а со времени учрежденія Патріаршества Патріархъ; еще болѣе, если въ немъ принимаетъ участіе самъ В. Князь, или Царь, то онъ, конечно, если только касается до устройства и управленія церковнаго вообще, обязательенъ для всѣхъ областей, подчиненныхъ вѣдѣнію Митрополита, или Патріарха.